456
W
239

ЗВѢЗДОЧКИ

серия
1913

Книжечка 7.

БАСНИ И. А. КРЫЛОВА.

Съ рис. С. Маклецова.

456 1913, кн. 7
W 239

БАСНИ

И·А·КРЫЛОВА·

КНИЖЕЧКА II

РИСУНКИ С·МАКЛЕЦОВА·

2004069679

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА

2280-04

Анекдоты о Крыловѣ.

Какъ извѣстно, знаменитый баснописецъ Иванъ Андреевичъ Крыловъ обладалъ нѣкоторыми смѣшными черточками характера, надъ которыми добродушно подсмѣивались онъ самъ и его многочисленные друзья. Крыловъ былъ очень лѣнивъ и неподвиженъ, любилъ много спать и плотно покушать, былъ неряшливъ и очень разсѣянъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, обладая веселымъ нравомъ, острымъ языкомъ и умѣньемъ подмѣчать все смѣшное въ людяхъ, Крыловъ часто подсмѣивался и надъ другими, устраивалъ всякія шутки, за которыя однако на него никто не обижался, зная безобидную насмѣшливость баснописца.

Въ памяти людей, близко знавшихъ писателя, сохранилось много анекдотовъ, въ которыхъ ярко выступаютъ эти смѣшныя

черточки, чудачества и добродушная веселость всѣми любимаго и уважаемаго „дѣдушки Крылова“.

Приводимъ здѣсь нѣсколько особенно характерныхъ анекдотовъ о Крыловѣ.

Когда Крыловъ пріѣхалъ въ первый разъ во дворецъ для представленія Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, придворный, который долженъ былъ представить его государынѣ, другъ Крылова, сказалъ ему:

— Дай-ка взглянуть на тебя, Иванъ Андреевичъ, все ли на тебѣ въ порядкѣ?

— Какъ же, Алексѣй Николаевичъ, неужели я поѣду неряхой во дворецъ? На мнѣ новый мундиръ.

— Да что же это за пуговицы на немъ?

— Ахти! Онѣ еще въ бумажкахъ, а мнѣ и невдомекъ ихъ раскутать.

Иногда разсѣянность его доходила до того, что онъ клалъ въ свой карманъ, вмѣсто носового платка, все, что ни попадалось въ руки, свое или чужое. За обѣдомъ сморкался онъ иногда то въ чулокъ, то въ чепчикъ, которые вытаскивалъ изъ своего кармана. Перчатокъ онъ никогда не носилъ ни зимой, ни лѣтомъ, считая ихъ безполезной роскошью.

— Я вѣчно ихъ теряю,—говорилъ онъ,— да и руки у меня не зябнутъ.

Разъ Крыловъ пріѣхалъ къ одному своему знакомому. Слуга сказалъ ему, что баринъ спитъ.

— Ничего,—отвѣчалъ Крыловъ,—я подожду.

Съ этими словами онъ прошелъ въ гостиную, легъ тамъ на диванъ и заснулъ. Между тѣмъ, хозяинъ проснулся, входитъ въ комнату и видитъ лицо, совершенно незнакомое.

— Что вамъ угодно?—спросилъ его Крыловъ.

— Позвольте лучше мнѣ сдѣлать вамъ этотъ вопросъ, — сказалъ хозяинъ, — потому что здѣсь моя квартира.

— Какъ? Да вѣдь здѣсь живетъ Н.?

— Нѣтъ, теперь живу я здѣсь, а г. Н. жилъ, можетъ-быть, до меня.

Послѣ этого разговора хозяинъ спросилъ и Крылова объ его фамиліи и, когда тотъ сказалъ, обрадовался случаю, что видитъ у себя знаменитаго баснописца, и началъ его просить сдѣлать ему честь—остаться у него.

— Нѣтъ ужъ,—отвѣчалъ Крыловъ:—мнѣ и такъ теперь совѣстно смотрѣть на васъ,— и съ этими словами ушелъ.

Какъ-то разъ, вечеромъ, Крыловъ зашелъ къ одному знакомому и засталъ у него нѣсколько человѣкъ, приглашенныхъ на ужинъ. Хозяинъ и гости пристали къ Крылову, чтобы онъ непремѣнно съ ними отужиналъ; но онъ не поддавался, говоря, что дома его ожидаетъ стерляжья уха. Наконецъ, удалось уговорить его подъ условіемъ, что ужинъ будетъ поданъ немедленно. Сѣли за столъ. Крыловъ съѣлъ столько, сколько все остальное общество вмѣстѣ, и едва успѣлъ проглотить послѣдній кусокъ, какъ схватился за шапку.

— Помилуйте, Иванъ Андреевичъ, да теперь-то куда же вамъ торопиться?—закричали хозяинъ и гости въ одинъ голосъ:—вѣдь вы же поужинали.

— Да сколько же разъ мнѣ вамъ говорить, что меня дома стерляжья уха ожидаетъ, я и то боюсь, что бы она не простыла,—сердито отвѣтилъ Крыловъ и удалился со всею поспѣшностью, на какую только былъ способенъ.

Разъ въ смежномъ съ квартирой Крылова домѣ случился пожаръ. Люди Крылова, сообщивъ ему объ этомъ, бросились спасать разныя вещи и неотступно просили, чтобы онъ по-

спѣшилъ собрать свои бумаги и цѣнные предметы. Но онъ, не обращая вниманія на просьбы, крики и суматоху, не одѣвался, приказалъ подать себѣ чай и, выпивъ его не торопясь, еще закурилъ сигару. Кончивъ все это, онъ началъ медленно одѣваться; потомъ, выйдя на улицу, поглядѣлъ на горѣвшее зданіе и, сказавъ: „не для чего перебираться“, возвратился на свою квартиру и улегся спокойно на диванъ.

Одинъ годъ императорская фамилія жила въ Аничковомъ дворцѣ, а Крыловъ въ то время жилъ въ домѣ Публичной библіотеки. Разъ императоръ Николай Павловичъ встрѣтилъ Крылова на Невскомъ проспектѣ.

— А! Иванъ Андреевичъ! Какъ поживаешь? Давно не видались мы съ тобой!—сказалъ императоръ.

— Давненько, ваше величество,—отвѣчалъ баснописецъ,—а вѣдь, кажись, сосѣди.

Однажды, въ клубѣ, пріѣзжій помѣщикъ, любившій прилгать, разсказывая за обѣдомъ о стерляди, которая ловится на Волгѣ, преувеличивалъ ея длину.

— Разъ,—сказалъ онъ,—передъ самымъ моимъ домомъ, мои люди вытащили стерлядь;

вы не повѣрите, но увѣряю васъ, длина ея вотъ отсюда до...

Помѣщикъ, не договоря фразы, протянулъ руку съ одного конца длиннаго стола по направленію къ другому, противоположному концу, гдѣ сидѣлъ Крыловъ. Тогда послѣдній, отодвигая стулъ, сказалъ:

— Позвольте, я отодвинусь, чтобы пропустить вашу стерлядь.

Хозяинъ дома, въ которомъ Крыловъ занималъ квартиру, принесъ ему для подписи условіе. Въ этомъ условіи, между прочимъ, было написано, что если, чего Боже сохрани, домъ сгоритъ по его, Крылова, неосторожности, то онъ обязанъ заплатить стоимость дома, именно: 60.000 рублей.

Крыловъ подписалъ условіе и къ суммѣ 60.000 прибавилъ еще два нуля, что составило 6.000.000 рублей.

— Возьмите,—сказалъ Крыловъ, отдавая условіе хозяину:—я на всѣ пункты согласенъ; но для того, чтобы вы были обезпечены, я вмѣсто шестидесяти тысячъ рублей поставилъ шесть милліоновъ. Это для васъ хорошо, а для меня все равно, ибо я не въ состояніи заплатить ни той, ни другой суммы.

Листы и корни.

Въ прекрасный лѣтній день,
Бросая по долинѣ тѣнь,
Листы на деревѣ съ зефирами шептали,
Хвалились густотой, зеленостью своей,
И вотъ какъ о себѣ зефирамъ толковали:
„Не правда ли, что мы краса долины всей?

Что нами дерево такъ пышно и кудряво,
Раскидисто и величаво?
Что бъ было въ немъ безъ насъ? Ну, право,
Хвалить себя мы можемъ безъ грѣха!
Не мы ль отъ зноя пастуха
И странника въ тѣни прохладной укрываемъ?
Не мы ль красивостью своей
Плясать сюда пастушекъ привлекаемъ?
У насъ же раннею и позднею зарей
Насвистываетъ соловей.
Да вы, зефиры, сами
Почти не разстаетесь съ нами".
—„Примолвить можно бы спасибо тутъ и намъ",
Имъ голосъ отвѣчалъ изъ-подъ земли смиренно.
„Кто смѣетъ говорить столь нагло и надменно?
Вы кто такіе тамъ,
Что дерзко такъ считаться съ нами стали?"
Листы, по дереву шумя, залепетали.
—„Мы тѣ,

Которые, здѣсь роясь въ темнотѣ,
Питаемъ васъ. Ужель не узнаете?
Мы корни дерева, на коемъ вы цвѣтете.
Красуйтесь въ добрый часъ!
Да только помните ту разницу межъ насъ:
Что съ новою весной листъ новый народится:
А если корень изсушится—
Не станетъ дерева, ни васъ".

Синица

Синица на море пустилась:
Она хвалилась,
Что хочетъ море сжечь.
Разславилась тотчасъ о томъ по свѣту рѣчь.
Страхъ объялъ жителей пептуновой столицы;
Летятъ стадами птицы;
А звѣри изъ лѣсовъ сбѣгаются смотрѣть,
Какъ будетъ океанъ, и жарко ли, горѣть.
И даже, говорятъ, на слухъ молвы крылатой,
Охотники таскаться по пирамъ
Изъ первыхъ съ ложками явились къ берегамъ,
Чтобъ похлебать ухи такой богатой,
Какой де откупщикъ и самый тороватый
Не давывалъ секретарямъ.
Толпятся: чуду всякъ заранѣе дивится,
Молчитъ и, на море глаза уставя, ждетъ;
Лишь изрѣдка иной шепнетъ:
„Вотъ закипитъ, вотъ тотчасъ загорится!“
Не тутъ-то: море не горитъ.
Кипитъ ли хоть?—И не кипитъ.
И чѣмъ же кончились затѣи величавы?
Синица со стыдомъ въ свояси уплыла;
Надѣлала синица славы,
А море не зажгла.

Дитяти маменька расчесывать головку
Купила частый гребешокъ.
Не выпускаетъ онъ дитя изъ рукъ обновку:
Играетъ, иль твердитъ изъ азбуки урокъ,
Свои все кудри золотыя,
Волнистыя, барашкомъ завитыя
И мягкія, какъ тонкій ленъ,
Любуясь гребешкомъ, расчесываетъ онъ.
И что за гребешокъ! не только не теребитъ,
Нигдѣ онъ даже не зацѣпитъ:
Такъ плавенъ, гладокъ въ волосахъ.
Нѣтъ гребню и цѣны у мальчика въ глазахъ.
Случись, однако же, что гребень затерялся.

Зарѣзвился мой маль-
чикъ, заигрался,
Всклокотилъ волосы копной.
Лишь няня къ волосамъ,
дитя подыметъ вой:
„Гдѣ гребень мой?“
И гребень отыскался,
Да только въ головѣ ни
взадъ онъ, ни
впередъ,
Лишь волосы до слезъ
деретъ.

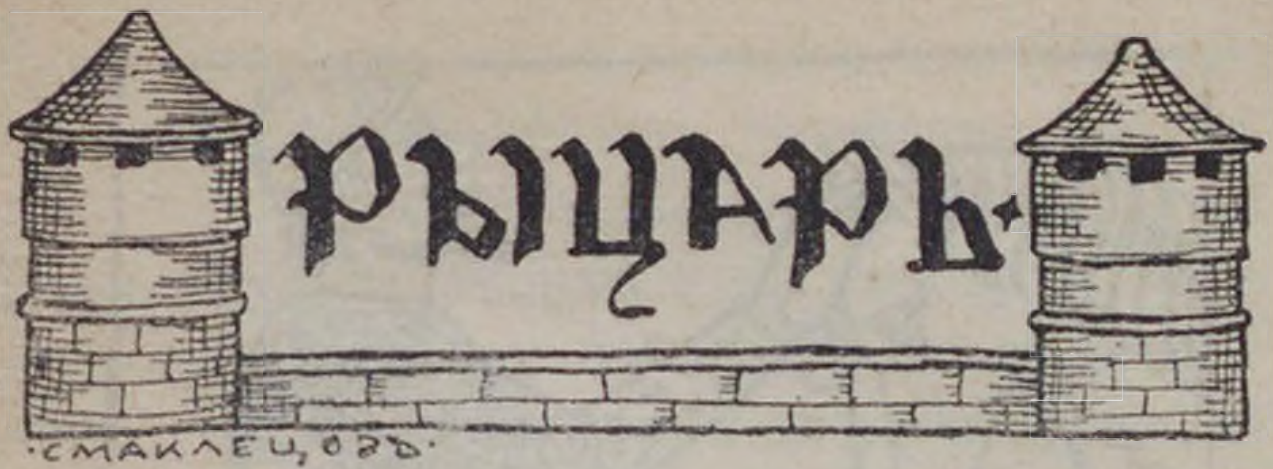
„Какой ты злой, гребнишка!“
Кричитъ мальчишка;
А гребень говоритъ:—„Мой другъ, все тотъ
же я;
Да голова всклокочена твоя“.
Однако жъ, мальчикъ мой, отъ злости и
досады,
Закинулъ гребень свой въ рѣку:
Теперь имъ чешутся наяды.
Видалъ я на своемъ вѣку,
Что также съ правдой поступаютъ:

Поколѣ совѣсть въ насъ чиста,
То правда намъ мила, и правда намъ свята,
Ее и слушаютъ, и принимаютъ;
Но только сталъ кривить душой,
То правду далѣ отъ ушей;
И всякій, какъ дитя, чесать волосъ не хочетъ,
Когда ихъ склочетъ.

Прохожіе и собаки.

Шли два пріятеля вечернею порой
И дѣльный разговоръ вели между собой:
Какъ вдругъ изъ подворотни
Дворняжка тявкнула на нихъ;
За ней другая, тамъ еще двѣ-три, и вмигъ
Со всѣхъ дворовъ сбѣжалося съ полсотни.
Одинъ, было, уже прохожій камень взялъ.
„И полно, братецъ!“ тутъ другой ему сказалъ:
„Собакъ ты не уймешь отъ лаю,
Лишь пуще всю раздразнишь стаю;
Пойдемъ впередъ: я ихъ натуру лучше знаю“.
И подлинно, прошли шаговъ десятковъ пять,
Собаки начали помалу затихать.
И стало, наконецъ, совсѣмъ ихъ не слыхать.

Завистники, на что ни взглянутъ,
Подымутъ вѣчно лай;
А ты себѣ своей дорогою ступай
Полаютъ да отстанутъ.



Какой-то рыцарь въ старину,
Задумавши искать великихъ приключенiй,
Собрался на войну
Противу колдуновъ и противъ привидѣнiй;
Вздѣлъ латы и велѣлъ къ крыльцу подвесть
коня;
Но прежде, нежели въ сѣдло садиться
Онъ долгомъ счелъ къ коню съ сей рѣчью
обратиться:
„Послушай, ретивой и вѣрный конь меня:
Ступай черезъ поля, чрезъ горы, чрезъ
дубравы,
Куда глаза твои глядятъ,
Какъ рыцарски законы намъ велятъ,
И путь отыскивай въ храмъ славы!

Рыцарь.

Когда жъ карачуновъ я злобныхъ усмирю,
Въ супружество княжну китайскую добуду,
И царства два-три покорю,
Тогда трудовъ твоихъ я не забуду;
Съ тобой всю славу раздѣлю.
Конюшню, какъ дворецъ огромный
Построить для тебя велю,
А лѣтомъ отведу луга тебѣ поемны;
Теперь знакомъ ты мало и съ овсомъ.
Тогда жъ пойдетъ у насъ обиліе во всемъ:
Ячмень твой будетъ кормъ, сыта медова—
пойло".
Тутъ рыцарь прыгъ въ сѣдло и бросилъ
повода,
А лошадь молодца, не ѣздя никуда,
Прямехонько примчала въ стойло.

Мальчикъ и змѣя.

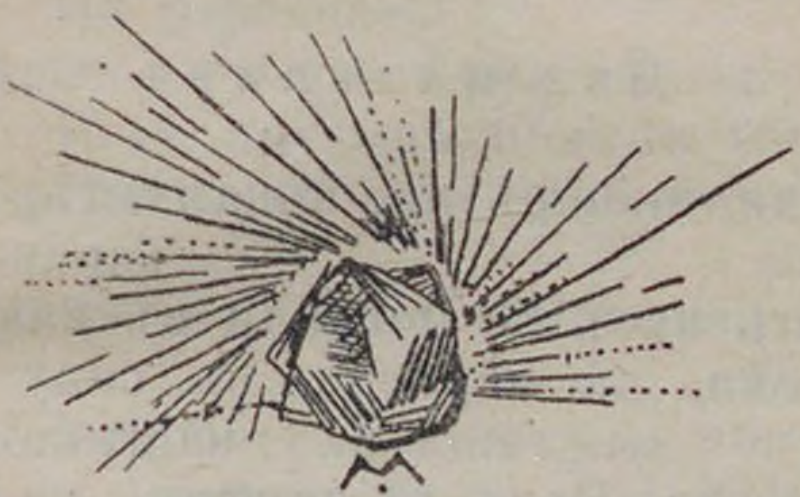
Мальчишка, думая поймать угря,
Схватилъ змѣю и, возрившись, отъ страха
Сталъ блѣденъ, какъ его рубаха.
Змѣя, на мальчика спокойно посмотря,
„Послушай“, говоритъ: „коль ты умнѣй не будешь,
То дерзость не всегда легко тебѣ пройдетъ.
На сей разъ Богъ тебя проститъ; но берегись впередъ,
И знай, съ кѣмъ шутишь!“

Пожаръ и алмазъ.

Изъ малой искры ставъ пожаромъ,
Огонь, въ стремленьи яромъ,
По зданьямъ разлился въ глухой
полночный часъ.
При общей той тревогѣ
Потерянный алмазъ
Едва сквозь пыль мелькалъ, валяясь по дорогѣ:
„Какъ ты, со всей своей игрой",
Сказалъ огонь, „ничтоженъ предо мной!
И сколь навычное потребно зрѣнье,
Чтобъ различить тебя, при маломъ отдаленьи,
Или съ простымъ стекломъ, иль съ каплею
воды,
Когда въ нихъ лучъ иль мой, иль солнечный
играетъ!
Ужъ я не говорю, что все тебѣ бѣды,
Что на тебя ни попадаетъ:
Бездѣлка—ленты лоскутокъ;

Какъ часто блескъ твой затмеваетъ,
Вокругъ тебя одинъ, обвившись, волосокъ!
Не такъ легко затмить мое сіяніе,
Когда я въ ярости моей
Охватываю зданіе.
Смотри, какъ всѣ усилія людей
Противъ себя я презираю;
Какъ съ трескомъ все, что встрѣчу, пожираю;
И зарево мое, играя въ облакахъ,
Окрестностямъ наводитъ страхъ!"
—„Хоть противъ твоего мой блескъ и бѣденъ",
Алмазъ отвѣтствуетъ:—„но я безвреденъ;
Не укоритъ меня никто ничьей бѣдой,
И лучъ досаденъ мой
Лишь зависти одной;
А ты блестишь лишь тѣмъ, что разрушаешь;
Зато, всей силой соединясь,
Смотри, какъ рвутся всѣ, чтобъ ты скорѣй погасъ,
И чѣмъ ты яростнѣй пылаешь,
Тѣмъ ближе, можетъ быть, къ концу".

Тутъ силой всей народъ тушить пожаръ
принялся;
На утро дымъ одинъ и смрадъ по немъ
остался;
Алмазъ же вскорѣ отыскался,
И лучшею красой сталъ царскому вѣнцу.



Два мальчика.

„Сенюша, знаешь ли, покамѣстъ, какъ,
барановъ,
Опять насъ не погнали въ классъ,
Пойдемъ-ка, да нарвемъ въ саду себѣ
каштановъ!“
—„Нѣтъ, Ѳедя, тѣ каштаны не про насъ!
Ты знаешь, вѣдь, какъ дерево высоко:
Тебѣ, ни мнѣ, туда не влѣзть,
И намъ каштановъ тѣхъ не ѣсть!“
„И милый, да на что жъ догадка;
Гдѣ силой взять нельзя, тамъ надобна
ухватка.
Я все придумалъ: погоди!
На ближній сукъ меня лишь подсади,

А тамъ мы сами умудримся.
И досыта каштановъ наѣдимся".
Вотъ къ дереву друзья со всѣхъ несутся
ногъ.
Тутъ Сеня помогать товарищу принялся,
Пыхтѣлъ, весь потомъ обливался,
И Ѳедѣ, наконецъ, вскарабкаться помогъ.
Взобрался Ѳедя на приволье:
Какъ мышкѣ въ закромѣ вверху раздолье!
Каштановъ тамъ не только всѣхъ не съѣсть —
Не перечесть!
Найдется, чѣмъ и поживиться,
И съ другомъ подѣлиться
Что-жъ?—Сенѣ отъ того прибытокъ вышелъ
малъ:
Онъ, бѣдный, на низу облизывалъ лишь
губки;
Ѳедюша самъ вверху каштаны убиралъ,
А другу съ дерева бросалъ однѣ скорлупки.

Обезьяна.

Какъ хочешь ты трудись;
Но пріобрѣсть не льстись
Ни благодарности, ни славы,
Коль нѣтъ въ твоихъ трудахъ ни пользы,
ни забавы.

Крестьянинъ на зарѣ съ сохой
Надъ полосой своей трудился;
Трудился такъ крестьянинъ мой,

Что градомъ потъ съ него катился:
Мужикъ работникъ былъ прямой.
Зато, кто мимо ни проходитъ,
Отъ всѣхъ ему: спасибо, исполать!
Мартышку это въ зависть вводитъ.
Хвалы приманчивы—какъ ихъ не пожелать!
Мартышка вздумала трудиться:
Нашла чурбанъ, и ну надъ нимъ возиться!
Хлопотъ
Мартышкѣ полонъ ротъ:
Чурбанъ она то понесетъ,
То такъ, то сякъ его обхватитъ,
То поволо́четъ, то покатитъ;
Рѣкой съ бѣдняжки льется потъ;
И наконецъ она, пыхтя, насилу дышитъ;
А все ни отъ кого похвалъ себѣ не слышитъ.
И не диковинка, мой свѣтъ,
Трудишься много ты, да пользы въ этомъ нѣтъ.

Мышь и крыса.

„Сосѣдка! слышала ль ты добрую молву?“
Вбѣжавши, крысѣ мышь сказала:
„Вѣдь кошка, говорятъ, попалась въ когти
льву:
Вотъ отдохнуть и намъ пора настала!“
— „Не радуйся, мой свѣтъ“,
Ей крыса говоритъ въ отвѣтъ:
— „И не надѣйся попустому!
Коль до когтей у нихъ дойдетъ,
То, вѣрно, льву не быть живому:
Сильнѣе кошки звѣря нѣтъ!“

Я сколько разъ видалъ, примѣтьте это сами:
Когда боится трусъ кого,
То думаетъ, что на того
Весь свѣтъ глядитъ его глазами.

Крестьяне и рѣка.

Крестьяне, вышедъ изъ терпѣнья
От разоренья,
Что рѣчки имъ и ручейки
При водополье причиняли,
Пошли просить управы у рѣки,
Въ которую ручьи и рѣчки тѣ впадали.
И было что на нихъ донесть:
Гдѣ озимы разрыты;
Гдѣ мельницы посорваны и смыты;
Потоплено скота, что и не счесть!
А та рѣка течетъ такъ смирно, хоть и пышно,
На ней стоятъ большіе города,
И никогда
За ней такихъ проказъ не слышно;
Такъ вѣрно ихъ она уйметъ,
Между собой крестьяне разсуждали.
Но что жъ? Какъ подходить къ рѣкѣ поближе
стали

Крестьяне и рѣка.

И посмотрѣли, такъ узнали,
Что половину ихъ добра по ней несетъ.
Тутъ, попусту не заводя хлопотъ,
Крестьяне лишь его глазами проводили;
Потомъ взглянули межъ собой
И покачавши головой,
Пошли домой;
А отходя проговорили:
„На что и время тратить намъ!
На младшихъ не найдешь себѣ управы тамъ,
Гдѣ дѣлятся они со старшимъ пополамъ“.

Камень и червякъ.

„Какъ расшумѣлся здѣсь! какой невѣжа!“
Про дождикъ говоритъ на нивѣ камень,
лежа:
„А рады всѣ ему, пожалуй, посмотри!
И ждали такъ, какъ гостя дорогого,
А что же сдѣлалъ онъ такого?
Всего-то шелъ часа два-три.
Пускай же обо мнѣ разспросятъ:
Такъ я ужъ вѣки здѣсь; тихъ, скроменъ
завсегда,
Лежу смирнехонько, куда меня не бросятъ;
А не слыхалъ себѣ спасибо никогда.
Недаромъ, право, свѣтъ поносятъ:
Въ немъ справедливости не вижу я никакъ“.
— „Молчи!“ сказалъ ему червякъ:
— „Сей дождикъ, какъ его ни кратко было
время,
Лишенную засухой силъ
Обильно ниву напоилъ,
И земледѣльца онъ надежду оживилъ;
А ты на нивѣ сей пустое только бремя“.

„КОНЕЦЪ“

2004069679

Безплатное прилож. къ № 11 „Солнышка“
1913 г.

Тип. „Родникъ“, СПБ., Невскій 88

2014078859